«БУНИЯТОВЩИНЕ» НЕ ВИДНО КОНЦА

ГАГИК САРКИСЯН, акад. АН АрмССР
ПАРУЙР МУРАДЯН, докт. ист. наук

В издаваемой в Баку на азербайджанском языке еженедельной газете «Адабият ва инчасанат» («Литература и искусство») от 15 января сего года была опубликована пространная статья академика АН АзССР Зии Буниятова «Правда бессмертна»—отклик на помещенное в «Гракан терте» («Литературная газета») от 14 августа 1987 года на армянском языке письмо под заголовком «Официальный ответ». Но довольствуясь кругом азербайджаноязычного читателя, З. Буниятов счел нужным опубликовать также русский вариант этой статьи, пересмотрев ее название—«Меценатствующий апологет» («Известия» АН АзССР (история, философия, право), 1987, № 4, с. 133—136). Напомним читателю, что «Гракан терт» напечатала с небольшим вступлением официальный ответ Института истории СССР АН СССР (за подписью зам. директора А. Н. Сахарова) старшему научному сотруднику Института литературы АН АрмССР А. Мушегяну, который своим письмом обращал внимание высших партийных органов и ВАК СССР на то, что в книге Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании» (Баку, 1986) антинаучно и предвзято толкуется ряд фактов армянской истории. В ответе, написанном А. Сахаровым, в частности, говорится: «...Автор (имеется в виду Ф. Мамедова—Г. Х., П. М.) берется за сюжеты, которые знает весьма поверхностно». Кстати, по поводу этой фальсификации в научных журналах АрмССР вышли две обстоятельные рецензии—Б. Арутюняна («Когда отсутствует научная добросовестность» в журнале «Вестник общественных наук» АН АрмССР, 1987, № 7, с. 33—56) и А. Акопяна, П. Мурадяна и К. Юзбашяна («К изучению истории Кавказской Албании» в «Историко-филологическом журнале», 1987, № 3, с. 166—189), обе на русском языке. Основной целью статьи З. Буниятова является защита вышеназванной книги и ее автора. При этом он старается показать, что ему неизвестны упомянутые рецензии на книгу Ф. Мамедовой, и это не случайно. Обе статьи написаны с близким к исчерпывающему использованием и упоминанием исторических источников, следовательно, попытка опровергнуть содержащиеся в этих публикациях выводы означала бы неизбежное обращение к первоисточникам, фальсификация которых и является главной чертой книги Ф. Мамедовой.

З. Буниятов возмущен: по какому праву о работе по албанистике высказывает мнение некавказовед А. Н. Сахаров (к этому он сводит всю статью). Ему, очевидно, было трудно догадаться, что в Ереван был послан отзыв Института истории СССР АН СССР, составленный, естественно, специалистами-кавказоведами и подписанный заместителем директора института как официальным лицом. Кстати, для пополнения информации З. Буниятова доводим до его сведения, что аналогичный ответ, «напечатанный на бланке солидного учреждения», являющийся опять-таки ответом на «обращение к высшим партийным органам», получили также, и намного раньше, чем он был напечатан

в газете «Гракан терт», академики АН АрмССР Б. Н. Аракелян, Г. Х. Саркисян и член-корр. АН АрмССР С. С. Аревшатян.

Чтобы оградить свою подзащитную от критики, З. Буниятов подтасовывает факты. Он пишет: «...Исследования Ф. Мамедовой давно известны в науке. Ее первая книга (1971 г.) (должно быть—1977—*авторы*), где она впервые доказала, что в Албании в период раннего средневековья был не первобытнообщинный строй, а феодальный, а также ее исследования в области источниковедения, политического строя, идеологии, исторической географии получили высокую оценку крупных специалистов—академиков С. Т. Еремяна, Г. Х. Саркисяна, членов-корреспондентов АН СССР К. В. Тревер, А. П. Новосельцева, докторов наук А. Р. Шихсаидова, К. Н. Юзбашяна, З. Н. Алексидзе, В. Г. Луконина, многих ученых Азербайджана». Оставим пока мнение докторов наук А. Шихсаидова и З. Алексидзе (они были оппонентами докторской диссертации Ф. Мамедовой, и их неопубликованные отзывы нам неизвестны). Что же касается С. Т. Еремяна, А. П. Новосельцева и К. Н. Юзбашяна, то они высказывали свое положительное мнение (устно или письменно) лишь о первой книге Ф. Мамедовой («История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании», Баку, 1977), представленной в качестве кандидатской диссертации в 1974 г. в Баку. Но З. Буниятов объявляет, что положительной оценки известных специалистов удостоились также ее *историко-географические* исследования, т. е. те, которые нашли место во *второй*, а не в первой книге Ф. Мамедовой, в книге, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук. Между тем, во время защиты этой диссертации в присутствии самого З. Буниятова был оглашен отрицательный отзыв пяти ученых, в числе которых были С. Т. Еремян и Г. Х. Саркисян.

Вот следующий пример фальсификации. З. Буниятов пишет: «До публикации ее последней монографии («Политическая история и историческая география Кавказской Албании») ни у кого не вызывало сомнение существование Албании как политического образования, наличие албанского народа и албанской культуры, о чем еще задолго до Ф. Мамедовой писали... корифеи науки...» Читая эти строки, неосведомленный читатель с горечью и негодованием подумает, что есть ученые (по утверждению З. Буниятова, это «некоторые армянские ученые и те, кто сопереживает с ними»), которые просто отвергают существование «политического строя Албании» (!), «албанской культуры» (!) и самого населения, выступающего в источниках под названием «албанцы» (!). Никто не отвергает ни того, ни другого, ни третьего. Речь в специальной литературе идет о том, что не существовало *единого этноса* албанцев, почему и термин «албанцы» оставался собирательным наименованием для тех многочисленных племен и народностей, которые населяли страну «Албания» (более обстоятельное изложение этого вопроса читатель может найти в книге А. Акопяна «Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках», Ереван, 1987, на русск. яз.). Такова современная научная точка зрения, и при этом, перечисленные З. Буниятовым классики науки ничего противоречащего этому заключению не писали и тем более не доказывали. Специалисту (не дилетанту) следует знать, что процессы политической, языковой, конфессиональной, культурной консолидации могут и не завершаться образованием из племен единого этноса, народности, они могут остановиться на этапе метаэтнической общности. Отметим, что на основе всестороннего исследования исторических

источников доказано, что население Албанского царства (функционировало на левобережье Куры с начала I в. до н. э. до V в. и. э.), известное из иноязычных источников под названием «албанцы» и состоявшее, согласно Страбону, из 26 племен, в процессе своей этноконсолидации остановилось именно на этапе метаэтноса, не превратилось в единую народность со своим единым самосознанием и самоназванием; потому собирательное иноназвание «албанцы» осталось политонимом и не превратилось в этноним (в современном научном значении последнего термина, принятом в этнографии).

З. Буниятов же (так же, как и Ф. Мамедова) пытается воспользоваться сложностью вопроса, особенно разнобоем в употреблении терминов в средневековых источниках и в научной литературе до самого последнего времени (о подобного рода разнобое подробно пишет акад. Ю. В. Бромлей: «Очерки теории этноса», М., 1983, с. 7—22) для того, чтобы объявить все население Албании сформировавшимся этносом—народностью (народом в просторечии).

Почему именно так важно для науки выяснение степени этнической консолидации албанцев? С этим фактом связаны уточнение дальнейшей судьбы самих албанских племен и многочисленные вопросы этнической истории соседних этносов.

Сасаниды, захватившие Закавказье, в 428 г. н. э. упразднили царство Восточной Армении и создали в регионе марзпанства (провинции). В Албанское марзпанство они включили не только территорию собственно Албании, расположенной на левобережье Куры, но также и две области Армянского царства—Утик и Арцах, находившиеся на правом берегу Куры. Название *Албания,* относившееся до того только к левобережью Куры, с административно-политическим усилением марзпанства распространилось также и на правобережные армянские районы, и этот термин получил новое, административное содержание. До середины VI в. административный и религиозный центры марзпанства находились на собственно албанском левобережье, а после переместились на армянское правобережье—в город Партав. В результате процесса этнической интеграции между этническими компонентами страны армянское население правобережья не только не потеряло своего этноязыкового облика, но и, наоборот, в определенной мере распространило свой язык и культуру среди собственно албанских племен левобережья. Таким образом, создание марзпанства привело, с одной стороны, к частичной арменизации собственно албанского левобережья, а с другой—к распространению самого названия «Албания» (по-армянски—«Алуанк») на этнически армянское правобережье Куры. Описанную двузначность термина «Алуанк» (а) собственно, т. е. левобережная Албания и б) Албанское марзпанство, охватывавшее также правобережье Куры, т. е. часть Армении) и обыгрывает Ф. Мамедова в сопровождении З. Буниятова.

После VII в. среди собственно албанских племен началось распространение ислама, и составные части албанского метаэтноса стали развиваться в сфере новых этнических процессов. Обобщая, скажем, что ныне их прямыми потомками являются большие и малые народности Северного Азербайджана и Южного Дагестана, говорящие на языках лезгинской подгруппы—удины, лезгины, табасаранцы, цахуры, крызы, будуги, хиналугцы и др.

В XI—XIII вв., когда в Передней Азии стали появляться тюркоязычные племена, описанные этнические процессы были фактически завершены. Начиная с XV—XVI вв. их язык начал распространяться также в среде мусульманского, не тюркского по происхождению, на-

селения региона (как следствие этнической интеграции на конфессиональной почве). На двух этих основах—конфессиональной и языковой, в Восточном Закавказье и северо-западных районах Ирана произошло формирование нового этноса, народности, впоследствии названной азербайджанской. Таким образом, в состав азербайджанского этноса вошли не только ведущий его компонент—тюркоязычные племена, но и представители иранских мусульманских этносов и этнических групп (персов, курдов, татов, талышей), а также мусульманизированные армяне, грузины, собственно албанцы, которые вносили в складываемую азербайджанскую цивилизацию многие элементы культуры своих бывших этносов.

В качестве напоминания всего этого в официальном ответе Института истории СССР АН СССР говорится: «В книге трех известных советских историков (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, Пути развития феодализма, М., 1972, см. с. 56—58—*авторы*) отмечено, что проникновение тюркского этнического элемента в Закавказье до XI в. было незначительным». В этой связи З. Буниятов в очередной раз становится в позу и недоумевает: «Причем здесь этот вопрос? Ведь в книге Ф. Мамедовой проблема тюркского этноса предметом исследования не была...». На самом деле З. Буниятов просто пытается скрыть основную идею Ф. Мамедовой (а также свою), согласно которой формирование азербайджанского народа означает просто превращение в тюркоязычный и переименование вполне сформировавшегося албанского этноса, следовательно, Азербайджану в древности просто соответствует Албания. Последняя в книге называется просто «историческим Азербайджаном», и автор доказывает, что «албанские-азербайджанские земли» необходимо защитить от посягательств субъективных армянских и грузинских ученых.

З. Буниятов претендует на доказательство албанской во всех смыслах принадлежности Утика и Арцаха (у него—Нагорного Карабаха). Но доказательства академика АН АзССР строятся вовсе не на новом источниковедческом материале или на новом прочтении данных известных греко-римских, армянских, византийских и т. д. первоисточников. З. Буниятов просто прибегает к известному антинаучному методу, к ссылкам на авторитеты. В ответ на высказывание Института истории СССР о том, что «население правобережья было армянизировано по крайней мере в V веке», он ссылается на две статьи И. А. Орбели, написанные в 30-х гг. К сведению З. Буниятова, И. Орбели также настаивал на многоплеменности албанцев и вовсе не пытался доказать их присутствие в XII в. на правобережье Куры. Если бы З. Буниятов проявил добросовестность, то он бы прочитал между цитируемыми им абзацами: «Политическую самостоятельность Албании потеряла задолго до того, и если это ее древнее название в той или иной форме еще упоминается в эту эпоху, то лишь пережиточно, в составе потерявших значение титулов» (см. И. А. Орбели, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 347). Мнение И. Орбели о проживании в раннем средневековье албанских племен южнее Куры было лишь порождением устаревших ныне научных знаний и высказывалось, к тому же, в чрезвычайно общей форме. Поэтому пытаться «опровергнуть» нынешние обоснованные научные выводы при помощи действительно огромного авторитета И. Орбели некорректно и нечестно.

Так блестяще «доказав» принадлежность Арцаха и Утика Албании, З. Буниятов восклицает: «Надо быть просто несведущим, чтобы утверждать, подобно А. Н. Сахарову, что Мхитар Гош, Давид и Киракос Гандзакецн не являются албанскими историками. Надобно

только ознакомиться с трудами И. А. Орбели, Т. И. Тер-Григоряна и др., а что касается труда Киракоса Гандзакеци, то он им самим назван просто «История» («Патмутивн») и точка. Это и есть та самая албанская культура, существование которой отрицает А. Н. Сахаров». С каких пор Т. И. Тер-Григорян попал в число серьезных исследователей, известно, очевидно, только З. Буниятову, но нужно быть поистине «несведущим», чтобы считать употребление термина «Албания», упоминающегося, по словам И. Орбели, лишь «пережиточно», доказательством существования в XII в. этноса албанцев и их этнической культуры. Для нас остается загадкой, по какому же все-таки признаку З. Буниятов и его коллеги определяют этнокультурную принадлежность средневековых деятелей. Низами, употребляющего этноним «тюрк» в пейоративном смысле, писавшего исключительно на персидском языке и рожденного матерью-курдянкой, или Хагани, воспевавшего свою мать сирийку на персидском языке, они считают азербайджанскими поэтами без всяких оговорок и одновременно отказываются считать армянами Гоша, Гандзакеци и других, хотя они не только писали исключительно на армянском языке, но и десятки раз сообщают о том, что они—армяне, и их родина—Армения. Вряд ли культурная экспансия может быть допустимым приемом для обогащения прошлого.

Кстати, даже в этой статье З. Буниятов не удержался от прямой фальсификации источников. «Забыв» свидетельство Мовсеса Каланкатуаци о неудачной попытке отравления русских воинов («рузиков») в городе Партаве, который они завоевали в 943—944 гг. у мусульманских правителей, З. Буниятов незаметно отводит этот факт от Партава и пишет: «Никто русов в Барде не травил (тем более женщины), а просто они объелись зелеными фруктами, после чего напились сырой воды, как результат—кровавый понос и поголовная смерть». Уж кому-кому, а арабисту З. Буниятову следовало бы знать, что согласно сведениям ибн Мискавайха (X—XI вв.) и ибн ал-Асира (XIII в.), упоминающих об эпизоде с фруктами, это произошло с русским отрядом во время его похода на Марагу и в окрестностях Мараги, а не в Партаве. Советуем академику, прежде чем проявлять свои познания в медицине, еще раз перечитать хотя бы обобщающую статью Н. Ю. Половбго «О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Берда'а» («Византийский временник», т. XIV, 1958, с. 138—147).

Вообще примечательно отношение З. Буниятова к русской истории. В одном из последних пассажей статьи он самоуверенно и кичливо советует А. Н. Сахарову «углубить свои познания даже в том, в чем он считает себя специалистом», при этом указывая на ряд тенденциозно «оформленных», вырванных из контекстов фактов (к примеру, «опечатку» в слове «русс»)[1].

Понятно, что на объективное рассмотрение З. Буниятовым истории армянского народа уже нечего и рассчитывать. Фальсификация первоисточников и специальной литературы тут попросту милый грешок. В специальной статье, помещенной во втором выпуске «Переднеазиатского сборника», А. Периханян доказывает, что даже если бы мы не располагали свидетельством Корюна о создании Маштоцем

---

[1] Интересно, «углубив свои знания» в русской топонимике, что бы предложил акад. З. Буниятов вместо названия русского города «Старая Русса», в котором последние годы своей жизни провел Ф. Достоевский?!

трех закавказских алфавитов, то их исследование все равно привело бы нас к тому же, о чем повествует Корюн. З. Буниятов переворачивает с ног на голову это заключение и преподносит своему читателю совершенно противоположное, а именно, что будто бы А. Периханян доказывает непричастность Маштоца к грузинскому и албанскому алфавитам.

Во вступлении «Гракан терта», предваряющем отзыв Института истории СССР АН СССР, приводились слова из письма А. Мушегяна, где он совершенно справедливо отмечает, что помещенные в книге Ф. Мамедовой 6 карт не имеют никакой исторической основы и скопированы с карты «Объединенного Азербайджана», охватывающего территорию Советской Армении вплоть до середины бассейна оз. Севан, которая помещена во втором томе «Энциклопедии ислама», выпущенного в 1944 г. в Стамбуле, то есть в Турции, бывший в это время союзницей гитлеровской Германии. З. Буниятов безоговорочно берет под защиту все карты Ф. Мамедовой и объявляет, что они вошли в книгу после апробации на совещании Института истории АН СССР (4—8 мая 1983 г.), посвященном проблемам исторической географии народов Кавказа. Это утверждение, однако, рассчитано только на неосведомленность читателей, так как в действительности присутствовавшие на отмеченном совещании армянские и грузинские специалисты (С. Еремян, Б. Арутюнян, Д. Мусхелишвили, Д. Бердзнишвили) категорически отвергли представленные Ф. Мамедовой карты.

Но З. Буниятов идет дальше. Он объявляет, что карта в турецкой «Энциклопедии ислама» составлена не в 1944 г. (неверно!), а в 1949 г., а Турция с лета 1944 г. перестала оказывать помощь гитлеровской Германии, и, склонившись к союзу с Англией и Францией, 23 февраля 1945 г. разорвала дипломатические отношения с Германией и объявила ей войну. Вот так выясняется, что З. Буниятов выгораживает и карту «Объединенного Азербайджана», включающего в себя примерно половину территории Советской Армении, карту, которая вышла якобы вовсе не в профашистской Турции.

Однако и это еще не все: автор задает еще один вопрос. «Почему же А. Мушегян не удосужился заглянуть в карту Азербайджана в «Энциклопедии ислама», вышедшей на английском языке (т. 1, с. 189), или на французском языке (т. 1, с. 195), где Армения к Кавказу никакого отношения не имеет и расположена далеко южнее реки Аракс и западнее его притока Карачая». Так, вот где, оказывается, территория, где должна помещаться Армения, армянский народ. А если еще точнее? Можно и точнее, потому что чуть ниже автор статьи советует: «И уж если А. Н. Сахаров специалист «по крещению», то советую ему попросить кого-либо, знающего армянский язык, перевести место, где у Агафангела говорится о крещении армян, где это проходило и в водах какой реки». Армян крестили в реке Арацани, это нынешняя Мурад-су, находящаяся в Восточной Турции или Западной Армении, где турецкие погромщики не в столь уж и далеком прошлом истребили все армянское население. Вот где, вместо Кавказа, должны пребывать армяне, по мнению академика соседнего народа. Конечно, было бы лучше, если б, прежде чем давать советы, автор статьи сам предпринял бы рекомендуемый шаг и выяснил для себя, где находилась столица армянского царства, откуда ушел и куда возвратился Григорий Просветитель. Но З. Буниятов не может примириться с существованием не только исторической, но и Советской Армении в современных пределах.

В 1980 г. он издал сочинение ал-Хусайни «Сообщения о сельджукском государстве». В нем, в частности, рассказывается о том, что, овладев Сафид-шахром (=Тетрицихе) и Ахалкалой (=Ахалкалаки), войско Алп-Арслана предприняло захват «еще одной мощной крепости» (гл. 13). Переводчик текста З. Буниятов без колебаний пишет в комментарии, что Сафид-шахр «находился в нижнем течении реки Дебед (приток Куры), восточнее озера Чалдыр, по дороге из Карса в Ахалкала» (с. 190, прим. 10). Нетрудно заметить, что, по воле академика, река Дебед изменила свое русло и утекла из Советской Армении. З. Буниятов идет дальше: отождествляя «другую мощную крепость» с Лорийской, он пишет, что она «находится близ современного села Джалал-оглы Борчалинского района Грузинской ССР» (прим. 15). Здесь в каждом слове сквозит не столько невежество, сколько предвзятое отношение. Автору комментария не хочется, чтобы прежнее село Джалал-оглы называлось ныне Степанаваном (в честь Степана Шаумяна) и стало городом (и районным центром), не хочется соглашаться с тем, что нет уже прежнего Борчалинского уезда (от названия тюркского переселенного племени «борчалу»), не хочется, чтобы крепость находилась в Советской Армении. Но тогда да позволено будет спросить, какая разница между академиком З. Буниятовым и теми пантюркистскими специалистами, которые на нынешних турецких картах пишут вместо «Ленинакана»—«Гюмри», вместо «Севана»—«Гёкча»? Мы очень долго считали несерьезными и не придавали значения подобного рода бредням, а З. Буниятов в это время воодушевлялся и расширял экспансию. В изданном в самое последнее время тексте И. Шильтбергера «Путешествие по Европе, Азии и Африке» он под предлогом «сокращения схоластических отрывков» не дрогнувшей рукой втихомолку выкинул из книги множество важных свидетельств, касающихся армян, и особенно те сообщения, которые не соответствовали его представлениям об истории и географии Армении. Вот один пример. Из главы «об Армении» исчезла следующая «схоластика»: «Хотя эта равнина (речь идет о равнинной части Карабаха—*авторы*) лежит в Армении, тем не менее она принадлежит язычникам (мусульманам), которым армянские селения принуждены платить дань. Армяне всегда обходились со мною хорошо, потому что я был немец, а они вообще очень расположены в пользу немцев (nimitch), как они нас называют. Они обучали меня своему языку и передали мне свой Pater noster»[2].

Добавим ко всему, что автор статьи, не простивший А. Н. Сахарову «опечатку» в слове «русс», давно и последовательно «трудится» на ниве плагиата. В 1965 г. З. Буниятов перевел статью Р. Хьюсена о хронологической системе труда Мовсеса Каланкатуаци[3] и напечатал в «Докладах» АН Азербайджанской ССР под своим именем[4]. Еще до того он присвоил множество примечаний Ч. Доусета к «Албанской

---

[2] «Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год», перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун, Одесса, 1866, с. 110—111; ср.: Иоганн Шильтбергер, Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год», перевод со старонемецкого Ф. К. Бруна, издание, редакция и примечания академика АН АзербССР З. М. Буниятова, Баку, 1984.

[3] Robert H. Hewsen, On the Chronology of Movses Dasxurançi, BSOAS, XXVII, part, 1, London, 1964, p. 151—153.

[4] З. М. Буниятов, О хронологическом несоответствии глав «Истории Агван» Моисея Каганкатваци («Доклады АН АзербССР», 1965, № 4, с. 65—67).

хронике» Мхитара Гоша, кстати, часто неверно понимая английский текст[5]. Добавив имя одного из сыновей Давида Строителя, З. Буниятов выбрался в авторы составленной Хади Хасаном «Генеалогической таблицы», так же, как прибрал к рукам текст касида Ширвани[6].

Прискорбно и не к лицу титулованному представителю соседнего народа, однако это факт. Можно ли после этого требовать, чтобы З. Буниятов не оскорблял личность своих оппонентов? Переводчика труда Мовсеса Каланкатуаци, автора предисловия и примечаний к этому изданию, старшего научного сотрудника Матенадарана им. Маштоца Ш. В. Смбатяна он называет «неким клириком», старшего научного сотрудника Института литературы АН АрмССР А. Мушегяна—«заурядным филологом» и т. д. Не имея элементарной научной подготовки по вопросам арменистики и последовательно фальсифицируя ее историю и исторические первоисточники, З. Буниятов берет на себя смелость разделять профессиональных арменоведов на «здравомыслящих» и, должно быть, «нездравомыслящих».

В официальном ответе Института истории СССР АН СССР в заключение сказано, что книга Ф. Мамедовой «не способствует взаимопониманию историков и общественностей обеих республик—Армении и Азербайджана». Эта справедливая оценка полностью относится к данной статье и всей деятельности З. Буниятова.

В качестве послесловия отметим, что у З. Буниятова обнаруживается склонность искажать не только исторические источники и специальную литературу, но даже и сообщения сегодняшней прессы. Его статью завершает постскриптум, где автор цитирует газету французских коммунистов «Юманите», и пишет: «Возмутительной и злонамеренной, в свете сказанного, является посылка Абеля Гезевича Аганбегяна, выступившего в Париже в отеле «Интерконтиненталь» перед дашнакской элитой с попыткой «доказать» правомерность отторжения Карабаха от Азербайджанской Советской Социалистической Республики (см. газета «Юманите» от 18 ноября 1987 г.)». То, что «представителей армянской общины», встретившихся с А. Аганбегяном, З. Буниятов объявляет дашнаками, можно принять, вероятно, за результат его особых политических взглядов. Однако непонятно, как он сумел определить по фотографии партийную принадлежность и по какому праву он приписывает свою оценку органу компартии Франции. Нелишне отметить, что среди этой «дашнакской элиты» находился член ФКП с довоенным стажем, вдова национального героя Франции, коммуниста Мисака Манушяна Мелине Манушян, приветствовавшая советского академика словами «Армяне вместе с Горбачевым за обновление» («Юманите», 18 ноября, с. 17).

Не пришла ли пора З. Буниятову гласно ответить за все содеянное им?

---

[5] „The Albanian Chronicle of Mxitar Goš", by C. J. F. Dowsett. BSOAS, London, vol. XXI, part. 3, 1958, p. 472—490; Мхитар Гош, Албанская хроника, предисловие, перевод и комментарии З. М. Буниятова, Баку, 1960.

[6] Hadi Hasan, Researches in Persian Literature, Hyderabad, 1958; ср.: З. М. Буниятов, Грузия и Ширван в первой половине XII века („საქართველო როუსთაველის ხანაში", თბ., 1966, გვ. 280—292. Об этом факте см. გ. ბერაძე, ფელეკი შირვანის უნიკალური კასიდის შესწავლის ისტორიიდან, „მაცნე", ენისა და ლიტ. სერია, 1975, № 4, გვ. 168—174).

«ԲՈՒՆԻՅԱԹՈՎԱՏԱՆՈՒԹՅԱՆ» ՎԵՐՋԸ ՉԻ ԵՐԵՎՈՒՄ

ԴԱԴԻԿ ՍԱՐԳՍՅԱՆ, ՀՍՍՀ ԳԱ ակադեմիկոս
ՊԱՐՈՒՅՐ ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ, պատմական գիտ. դոկտոր

Ամփոփում

Ադրբեջանական ՍՍՀ ԳԱ ակադեմիկոս Զ. Բունիյաթովը վերջերս հանդես է եկել հրապարակախոսական նոր հոդվածով, ուր շարունակում է նենգափոխել հայոց պատմության ու մշակույթի մի շարք հարցեր։ Նպատակը Ֆ. Մամեդովայի մտացածին ու հակագիտական դրույթների պաշտպանությունն է, որոնց քննադատությանն էր նվիրված «Գրական թերթում» պրոֆ. Ա. Սախարովի հրապարակած պաշտոնական պատասխանը։ Այս հոդվածում ևս Զ. Բունիյաթովը չի խորշում հայոց պատմության պանթյուրքիստական մեկնաբանությունը պաշտպանելուց, անգամ սկզբնաղբյուրներն ու մասնագիտական գրականությունը կեղծելուց։ Ուրվագծելով նրա «տեսության» զարգացման ընթացքն ու միտումնավորության ակունքները, գիտական բացատրություններ են տրվում արծարծվող խնդիրներին և զգաստության կոչ անում հակահայկական մոլուցքով բռնված Զ. Բունիյաթովին ու նրա հետևորդներին։ Կեղծիքն ու անբարեխղճությունը, գրագողությունն ու զրպարտանքը վարկաբեկում են ակադեմիական գիտությունը։